

УДК 332.14.012.334:330.12  
DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887  
Шифр специальности ВАК: 5.2.3

## Экономическое благополучие муниципальных образований и ответственное развитие: возможности измерения

Е.Б. Дворядкина, Е.А. Белоусова<sup>✉</sup>, Е.И. Кайбичева

Уральский государственный экономический университет, Россия, г. Екатеринбург

<sup>✉</sup>belousova-unir@usue.ru

**Аннотация.** С момента возникновения концепция устойчивого развития была направлена на сохранение окружающей среды по мере роста материального благосостояния, но получила ограниченное практическое воплощение в социально-экономических системах разного уровня. Гипотеза исследования состоит в том, что принцип ответственности в следовании ценностям устойчивого развития является фундаментом экономического благополучия таких систем. **Цель:** дать обоснование концепции ответственного развития в качестве платформы экономического благополучия муниципального образования и подтвердить его измеримость. **Методы:** комплекс общенаучных методов, включая обобщение, систематизацию, дедукцию, которые позволили спроецировать положения этики ответственности как ценностной основы устойчивого развития на понятие экономического благополучия муниципального образования. Отбор показателей муниципальной статистики, обладающих потенциалом измерения экономического благополучия как результата ответственного развития, проводился на материалах Базы данных показателей муниципальных образований Росстата. **Результаты:** первопричиной кризиса взаимоотношений общества и природы является кризис ментальности, что обосновывает необходимость перехода к использованию термина «ответственное развитие», обозначающего развитие, которое базируется на намеренном следовании ценностям, приоритетам устойчивого развития и применении принципа ответственности при принятии решений. Последнее подразумевает опору на научное знание, четкую самоидентификацию субъекта, учет окружающего ценностно-культурного пространства; активного, свободного и интенционального субъекта, осознающего себя как часть целостности, принимающего во внимание интересы других акторов; распределение уровней ответственности; внимание к последствиям, благоприятному исходу ситуации в долгосрочной перспективе. Анализ муниципальной статистики позволил сформировать три группы показателей: показатели производственного процесса (индикаторы износа основных фондов, индикаторы диверсификации муниципальной экономики и индикаторы, характеризующие экономически активное население); индикаторы удовлетворения потребностей муниципальной экономики (показатели финансовой самостоятельности, инфраструктурного развития, гражданской активности); показатели, характеризующие сохранение природных ресурсов. Соответственно, подтверждена измеримость экономического благополучия муниципалитета как результата ответственного развития, а разработанная система показателей может служить ориентиром при управлении развитием муниципальной статистики.

**Ключевые слова:** муниципальное образование, региональная экономика, экономика благополучия, устойчивое развитие, ответственное развитие

**Для цитирования:** Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А., Кайбичева Е.И. Экономическое благополучие муниципальных образований и ответственное развитие: возможности измерения // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52. – № 3. – С. 77–93. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887

UDC 332.14.012.334:330.12

DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887

## Economic well-being of municipalities and responsible development: measurement possibilities

E.B. Dvoryadkina, E.A. Belousova<sup>✉</sup>, C.I. Kaibicheva

*Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation*

<sup>✉</sup>belousova-unir@usue.ru

**Abstract.** Since its inception, the concept of sustainable development has aimed at preserving the environment during an increase in material welfare, though its implementation in socio-economic systems of different levels has remained limited. Our hypothesis is that following the principle of responsibility in adopting the values of sustainable development underlies the economic well-being of such systems. **Aim.** To justify the concept of responsible development as a platform for the economic well-being of a municipality and confirm its measurability. **Methods.** Generalization, systematization, and deduction. Their use made it possible to project the ethics of responsibility as the value basis of sustainable development onto the concept of municipality economic well-being. The analysis of municipal statistics, which have the potential to measure economic well-being as a result of responsible development, was performed using materials of Municipal Indicators Database by Russian Federal State Statistics Service. The root cause of the crisis in the relationship between society and nature is a crisis of mentality, which justifies the need to switch to the use the term “responsible development”. This is the development based on deliberate adherence to values, priorities of sustainable development and the application of the principle of responsibility in decision-making. The latter implies reliance on scientific knowledge, clear self-identification of an actor, taking into account the surrounding culture and values; an active, free and intentional actors aware of themselves as part of a whole, considering the interests of other actors; distribution of responsibility; attention to the consequences, to a favourable long-term outcome. The analysis of municipal statistics allowed compiling three groups of indicators: 1) related to reproduction (indicators of depreciation of fixed assets, diversification of the municipal economy and characterizing the economically active population); 2) related to meeting the needs of the municipal economy (indicators of financial independence, infrastructural development, civic engagement); 3) characterizing the conservation of natural resources. The results confirm the measurability of the economic well-being of a municipality as a result of responsible development, and can also serve as a guide in managing the development of municipal statistics.

**Keywords:** municipality, regional studies, economics of well-being, sustainable development, responsible development

**For citation:** Dvoryadkina E.B., Belousova E.A., Kaibicheva C.I. Economic well-being of municipalities and responsible development: measurement possibilities. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2024, vol. 52, no. 3, pp. 77–93. DOI: 10.18799/26584956/2024/3/1887

### Введение

В 1988 г. Ф. Хайек, анализируя социализм как идеологию функционирования экономических систем, которая направлена на реализацию социального равенства и социальной справедливости, писал, что «хотя действительность сама по себе не может служить основанием для решения, что полагать правильным, неверные представления о разумности, правильности и благе могут изменить действительность и обстоятельства нашего существования и даже уничтожить (возможно, навсегда) не только индивидуумов – носителей высокой культуры, а также здания, произведения искусства, города (давно известно, что все это не может

противостоять разрушительной силе учений и идеологий), но традиции, институты и взаимоотношения, без которых подобные творения вряд ли можно создать либо восстановить» [1, с. 47]. В соответствии с этим утверждением можно полагать, что важную роль в создании экономического благополучия территории играют ценности, лежащие в основе функционирования ее хозяйственного комплекса.

Одной из наиболее очевидных концепций, содержащих ценностные ориентиры для экономики, стала концепция устойчивого развития (УР), получившая признание мирового сообщества во второй половине XX в. Одиннадцатая из ее целей – «Устойчивые города и населенные пункты» – посвящена территориям и направлена на обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов на фоне последствий быстрой урбанизации, таких как рост числа обитателей трущоб, неадекватность и перегруженность инфраструктуры и услуг (в том числе систем сбора отходов, водоснабжения, канализации, транспорта), ухудшение ситуации с загрязнением воздуха и незапланированное разрастание городов. Данные ООН наглядно показывают, насколько безответственен процесс урбанизации: города и мегаполисы обеспечивают около 60 % глобального ВВП, но при этом на них приходится около 70 % глобальных выбросов углерода и более 60 % от общего использования ресурсов; с 2007 г. более 50 % населения мира живет в городах, и по прогнозам эта доля может достичь 60 % к 2030 г. [2]. Очевидно, что такая концентрация экономической деятельности и населения означает высокую нагрузку на окружающую среду в городах и одновременно низкий объем экономических, финансовых, политических ресурсов территорий, населенность которых существенно ниже.

Однако в практическом плане ценности, постулируемые концепцией УР, реализуются ограниченно. Представляется, что это связано с недостаточной ответственностью, которую общество берет на себя по ее практическому внедрению. Об ответственности как фундаменте УР писал еще А. Печчеи, говоря о «новой системе ценностей человека, ориентированной на то, чтобы не больше иметь, а быть человеком, ответственным не только за себя, но и за судьбу других людей и человечества в целом» [3, с. 157]. Так, УР должно стать развитием ответственным, в том числе на уровне отдельных территорий.

Экономическое благополучие муниципальных образований формируется на основе устойчивого, пространственно инклюзивного, планового, индивидуализированного, осознанного воспроизводственного процесса [4], что обуславливает целесообразность изучения концепции ответственного развития в качестве его ценностного фундамента. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) проследить эволюцию концепции УР; 2) обосновать ее трансформацию в концепцию ответственного развития; 3) установить возможности статистики в области оценки экономического благополучия муниципального образования как результата ответственного развития.

### **От устойчивого к ответственному развитию**

Появление концепции УР в международном общественно-политическом и научном дискурсе связано с сочетанием нескольких обстоятельств: с одной стороны, созданием ООН после Второй мировой войны, которая стала платформой для обсуждения наиболее острых глобальных проблем, а с другой – послевоенным «славным тридцатилетием» экономического роста, порожденного необходимостью восстановления разрушенной материальной базы, которое также стало временем резкого увеличения антропогенного влияния на окружающую среду. В результате на фоне продолжающегося роста численности населения Земли в XX в. проблемы, обозначенные Т. Мальтусом еще в 1798 г. [5], вновь вышли на повестку.

Становление концепции УР сопровождали следующие ключевые события:

1) первая встреча Римского клуба, который основали А. Печчеи, итальянский промышленник, и А. Кинг, руководитель шотландского научного отдела ОЭСР (1968 г.) [6];

- 2) доклад Римскому клубу «Пределы роста» [7];
- 3) Конференция по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме, Швеция (1972 г.) [8];
- 4) установление на национальном уровне (в Королевстве Бутан) впервые в качестве измерителя прогресса нового, отличного от ВВП, показателя – валового национального счастья (конец 1970-х гг.);
- 5) учреждение Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН (World Commission on Environment and Development, WCED) под руководством Г.Х. Брундтланд, экс-премьера Норвегии (1983 г.);
- 6) доклад «Наше общее будущее» [9] Комиссии Г. Х. Брундтланд (1987 г.), который оказался не только консенсусным «документом исключительной актуальности, содержательности и политической силы», но и впоследствии стал программной базой для «всех последующих действий по переходу к устойчивому развитию как в рамках глобального управления, так и на национальном уровне» [10, с. 2];
- 7) Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро – Саммит Земли (1992 г.);
- 8) Саммит ООН по УР (2015 г.) [11];
- 9) Климатический саммит в Нью-Йорке (2021 г.).

Их анализ позволяет заключить, что концепция УР стала общественно-политической декларацией обеспокоенности мирового сообщества проблемами сохранения окружающей среды по мере роста материального благосостояния, стремления удержать экономический успех и процветание. Будучи порожденной проблемами природопользования, концепция УР в итоге стала символом глобального благополучия.

Сущность УР достаточно исследована в научной литературе, несмотря на противоречивость, присущую термину и порождающую множество интерпретаций. Так, еще на начальных этапах научного осмысления УР отмечалось, что «устойчивость» предполагает сохранение существующего положения вещей, а «развитие» – обеспечение роста, то есть термин является своего рода оксюмороном. Следовательно, без понимания устойчивости «чего» и «какой», а также развития «чего» и «какого» невозможно предложить пригодную для практического использования интерпретацию этого термина [12, р. 193]. Однако существует и противоположная точка зрения: термин как нельзя лучше описывает необходимость развития, не нарушающего гомеостаз [13, с. 158].

Большинство определений содержат три классические компоненты – экономическую, экологическую и социальную. Как заключает Т.В. Ускова, «теория устойчивого развития основана на гармонизации социальной, экономической и экологической подсистем социально-экономической системы, направлена на поиск путей перехода системы на модель устойчивого развития, обеспечивающую неубывающий темп роста возможностей удовлетворять потребности современного и будущих поколений и сохранность окружающей среды» [14, с. 28].

Е.А. Третьякова интерпретирует УР как «совокупность процессов позитивных изменений и воплощающих их технологий, направленных на гармонизацию отношений между экономической, экологической и социальной сферами для удовлетворения потребности социально-экономической системы в долгосрочном существовании» [15, с. 30]. Так, например, «технологическое» воплощение принципов УР представляют собой такие модели, как зеленая экономика, циркулярная, безотходная, низкоуглеродная, регенеративная, синяя, а также биоэкономика.

В.В. Снакин трактует УР как «гипотетическое развитие общества, при котором улучшаются условия жизни человека, а воздействие на окружающую среду остаётся в пределах хозяйственной ёмкости биосферы, так что не разрушается природная основа функционирования человечества. Предполагается, что при УР удовлетворение потребностей осуществляется

без ущерба для будущих поколений, а охрана окружающей среды становится неотъемлемой компонентой процесса развития» [16, с. 102].

Л.А. Мочалова конкретизирует объект, применительно к которому дается определение УР – социально-эколого-экономическая система (СЭЭС): «под устойчивым развитием СЭЭС предлагается понимать ее сбалансированное развитие, которое характеризуется высокой степенью адаптации системы к воздействию внешних и внутренних факторов и ее способностью продолжительного периода времени» [17, с. 6]. Разделяем мнение исследователя о преимуществе такого подхода: он дает возможность «учесть многоаспектность и динамику УР, а также рассматривать устойчивость разномасштабных и многокомпонентных СЭЭС, к которым относятся мир в целом, страна, регион, город, предприятие и домохозяйство» [17, с. 6].

В качестве первопричины кризиса взаимоотношений общества и природы Т.С. Завидовская рассматривает кризис ментальности, возникающий в процессе цивилизационного развития: «Человечество в своем взаимодействии с окружающей средой порождает множество проблем, но зачастую не осознает их или неправильно понимает, не придавая существенного значения своей роли в создании этой проблемы, недооценивая свои возможности в ее решении» [13, с. 149]. Она подчеркивает, что первым шагом в решении любых проблем является их осознание, и обращается к идеям Н.Н. Моисеева, автора одной из концепций коэволюции природы и общества.

На основе воззрений В.И. Вернадского Н.Н. Моисеев концептуализирует понятие «ноосферогенез» как такую стадию в развитии общества, когда «человечество, осознав необходимость, поняв содержательный смысл ноосферы, начинает искать пути ее достижения, то есть пути, ведущие в эпоху ноосферы как цели совместных усилий человечества», при этом ноосфера – это «состояние биосферы, в котором человечество берет на себя всю *ответственность* за дальнейшее развитие не только общества, но и природы в целом» [13, С. 152]. Важным выводом здесь является значимость философии в поиске выхода из экологического кризиса как дисциплины, изучающей человека в его целостном жизнепрживании и отношении в миру. Т.С. Завидовская подчеркивает, что решить экологическую проблему, опираясь лишь на технические средства, нельзя, а «поиск ответов на глобальные проблемы современности неизбежно ведет к пересмотру человечеством основ своего духовного бытия, к принципиальным изменениям мировоззренческого характера в индивидуальном и общественном сознании» [13, с. 159].

Таким образом, фундаментом УР выступает ответственность. Она связана со способностью действующих лиц предполагать, оценивать и планировать желательность своих действий в соответствии с обозначенными приоритетами и ценностями. Так, например, современная экономическая терминология уже пополнилась такими понятиями, как «ответственные инвестиции» [18], «корпоративная социальная ответственность» [19], «ответственное потребление» и «ответственное производство» [20], ESG-принципы [21] (построение деятельности на основе ответственного отношения к окружающей среде, социальной ответственности и высокого качества корпоративного управления). Применение последних, начавшись с финансового сектора, сейчас активно осуществляется в других секторах, в том числе в региональном управлении [22]. Дополнительно подчеркнем, что понятие ответственности рассматривается в научных публикациях по УР вне зависимости от вида научных дисциплин – естественно-научных или общественно-гуманитарных [13, 23–26].

### **Теоретические основания ответственного развития**

Рассмотрение УР, прежде всего как ответственного, теоретически опирается на этику ответственности. Этика ответственности подчеркивает важность принятия на себя ответственности за свои действия и их последствия. Она основана на идее о том, что люди и общества обязаны действовать таким образом, чтобы способствовать благополучию других людей и

планеты, и избегать действий, которые причиняют вред или создают риски [27]. Или, по словам А. Вебера, «должна прийти этика самоограничения, этика умеренности, достаточности и ответственности» [28, с. 62], поскольку в эпоху постмодерна прогресс неоднозначно положителен для социального пространства [29].

История этого направления связана с именем Г. Йонаса [30]. Как отмечал советский и российский философ В.А. Канке, благодаря работе Г. Йонаса «Принцип ответственности», вышедшей в 1979 г., произошел «прорыв устоявшегося традиционного этического фронта», а ответственность потеснила «даже таких влиятельных оппонентов, как принципы свободы и справедливости» и сама стала принципом [31, с. 20].

На момент опубликования исторической работы существовали три принципиальные концепции ответственности: 1) ответственность как подотчётность (некто ответственен перед кем-то); 2) ответственность как консенсус (субъекты вынуждены добиваться согласия других в нравственных отношениях); 3) ответственность как отношения (наиболее популярная концепция, которая предполагает, что тот, кто действует, несет ответственность за свои действия; положительно оценивается ответственность только перед инстанцией, которая заслуживает уважения; при этом происходит укрепление intersubъектного, коллективного вместо индивидуального, так как способность индивида нести ответственность ограничена).

Стимулом размышлений Г. Йонаса об этике выступило развитие технологической цивилизации в контексте коллективной ответственности перед будущим. В итоге он сформулировал пять оснований, из-за которых техника совместно с наукой стала предметом этики [31]: 1) амбивалентность техники (к опасностям ведут даже ее успехи); 2) неизбежность ее применения; 3) глобальность масштабов ее использования; 4) поражение антропоцентрики (человек должен существовать в гармонии с природой); 5) постановка вопроса о выживаемости рода человеческого в условиях огромного накопленного потенциала техники. Таким образом, согласно Г. Йонасу, технику необходимо поставить под контроль человека на основе применения этики ответственности.

Как заключает В.А. Канке, воплощение принципа ответственности в целях обеспечения нравственного поведения субъекта требует, во-первых, использования зрелого знания, позволяющего добиться эффективных результатов; во-вторых, избегания «безмятежности» при принятии решений, напряжения «воли к добру» (поскольку положительные и отрицательные последствия в современном мире идут рука об руку). Кроме того, принцип ответственности выступает мотивом «этического творчества», так как важны результаты, а не «отчетность» перед инстантом [31]. Пределами этики ответственности являются границы науки, так как для воплощения этого принципа на практике важно наращивание научного знания, способного противостоять комплексности, сложности системы человеческого бытия, а также удовлетворять требованию перспективности принимаемых решений [31].

В практическом поле ответственность можно рассматривать следующим образом: 1) как отношения субъектов за нечто; 2) относительно к кому-либо; 3) перед санкционирующей инстанцией; 4) в соответствии с критерием; 5) в рамках какой-либо области.

Поэлементный анализ эволюции теории морали позволил Е.В. Беляевой установить закономерности динамики систем нравственности на разных этапах развития общества [32]. Исследователь определяет нравственность как «сложную саморазвивающуюся систему, элементами которой являются нормы и ценности, организованные в нормативно-ценностную структуру, целостность и специфика которой задается целью морали, или ее двуединой функцией: поддержанием стабильности человеческих сообществ, исходя из перспективы будущего, и утверждением самооценности личности на основе представлений о совершенстве» [32, с. 7]. Эволюция нравственности происходит через изменение нормативно-ценностной структуры с помощью конкретного способа регуляции, что и задает специфические закономерности существования каждой системы нравственности.

Согласно Е.В. Беляевой [33], теория морали прошла путь от аристотелевской «этики блага» (ключевая категория – добро, этика блага обосновывает традиционную нравственность за счет развития четко обозначенных добродетелей) и «этики долга» И. Канта (ключевая категория – долг, этика долга обосновывает мораль как способ рациональной регуляции поведения, приведения сущего к должному, служит эпохе модерна) к «этике ответственности» (ключевая категория – ответственность, главный признак этики ответственности – конвенционализм, забота о последствиях). Исследователь выдвигает тезис о том, что этика ответственность может выступать как особый тип теории морали, способный стать основой нравственной жизни современного человека [33, с. 91], помочь преодолеть футурошок. Е.В. Беляева отмечает, что среди предпосылок этого, во-первых, глобальность современного мира, его глубокая и всесторонняя взаимосвязанность, когда любая проблема затрагивает интересы каждого; во-вторых, неустойчивость мира (состояние перманентного хаоса), в котором люди все же пытаются управлять собственной жизнью, «построить ее как хорошую, правильную, ответственную»; в-третьих, масштабная вовлеченность в электронные сетевые коммуникации [33, с. 75].

Следует также упомянуть еще один фактор, который вывел ответственность с периферии теории морали к ее центру, – стремление к свободному демократическому обществу [25]. В целом проблема взаимоотношений свободы и ответственности является одной из важных в теории морали [34]. Увеличение степени свободы должно сопровождаться повышением ответственности, но той, которая базируется на знаниях. Кроме того, П.А. Костин указывает на то, что современный этап эволюции общества требует «укрепления процессов самоидентификации, обусловленных снижением влияния ценностно-культурного пространства современного социума на личность» [26, с. 43].

В эпоху свободы постмодерна блага релятивны, мир плюралистичен, а значит, интересы одних участников отношений могут быть непонятны другим или даже несовместимы с ними. Одновременно высокая скорость смены событий, информации и их объем оказывают все большее давление на человека при оценке нравственности своего поведения: «субъект пребывает не в мире универсальных принципов («этика долга») и вечных ценностей («этика блага»), а в мире смысла и его локальных универсализаций» [33, с. 89], ему приходится постоянно осмысливать нравственность своих действий. Что же характеризует нравственность поведения морального субъекта в рамках этики ответственности?

Е.В. Беляева отталкивается от противного и так описывает то, что можно считать нравственным: «Безнравственный – не тот, кто сделал зло (он, может быть, зла и не делал), и не тот, кто не выполнил долг (в этой ситуации, возможно, должное и не было предписано), а тот, кто уклонился от ответственности, от самостоятельного решения и поступка в ситуации, от самого усмотрения чего-то в качестве ситуации, взывающей к моральному поступку». Соответственно, нравственного субъекта характеризует способность противостоять проблемным ситуациям, стремиться к их благоприятному разрешению, вести себя активно, вносить свою ответственность «как вклад в сохранение и продолжение жизни этого мира» [33, с. 84], а выбор одной из множества возможностей осуществлен сознательно. Отсюда следующий вопрос – как может быть разделена ответственность между субъектами и какими могут быть эти субъекты?

В качестве ответа Е.В. Беляева приводит пример из области экологической этики: ответственность распределяется «между ЮНЕСКО (которая выпустит этический кодекс), национальными правительствами (которые запретят одноразовую посуду, бензиновые двигатели, введут налоговые льготы для пользующихся электротранспортом), предприятиями (за свои выбросы), семьями (за организацию домашнего хозяйства с отдельным сбором мусора) и личностью (которая откажется от косметики, тестируемой на животных, придет в магазин со своим пакетом)» [33, с. 84]. Здесь показан важный принцип этики ответственности: мо-

жешь – значит должен (в противовес кантовскому «должен – значит можешь»). Каждый субъект действует в рамках своих возможностей.

Если В.А. Канке пишет о зрелом знании, то Е.В. Беляева акцентирует силу, мощь, позволяющую субъекту реализоваться как активное начало в бытии и добиться нравственности поступка. По мнению белорусского исследователя, «моральный субъект «этики ответственности» имеет онтологическую структуру, является индивидуальным, рефлексивным, способным к самопреобразованию, могущественным, коммуникативным, открытым к Другому» [33, с. 90].

Таким образом, анализ содержания этики ответственности в философском дискурсе показал ее целесообразность для решения проблем УР современной технологичной цивилизации в глобализованном мире, что обусловлено рядом характеристик. Во-первых, поступки в рамках этики ответственности требуют развитого научного знания, четкой самоидентификации субъекта и учета окружающего ценностно-культурного пространства. Во-вторых, при реализации нормативно-ценностной структуры для обеспечения УР субъект должен быть активным, свободным и сознательным, использовать имеющиеся возможности полностью. В-третьих, этика ответственности предполагает распределение уровней ответственности, что позволяет снизить стресс от бытия в хаотичном, находящемся в постоянной коммуникации мире. В-четвертых, этика ответственности помогает осуществить локальную универсализацию смыслов в плюралистичном мире на основе гибкой рефлексивности. В-пятых, этику ответственности отличает особое внимание к последствиям, эффективности решений, благоприятному исходу ситуации. Оценка этих последствий должна проводиться с учетом фактора времени – на долгосрочную перспективу. Наконец, этика ответственности постулирует необходимость самосознания субъекта как части целостности и принятия во внимание положения и интересов других субъектов. Следовательно, считаем обоснованным использование термина «ответственное развитие» для обозначения развития, базирующегося на намеренном, осознанном следовании ценностям и приоритетам УР, а также применении принципа ответственности при принятии решений.

### **Перспективы оценки экономического благополучия муниципального образования как результата ответственного развития**

Обзор литературы показал, что обеспечение устойчивости современного экономического развития на любом территориальном уровне опирается на применение принципа ответственности. Следовательно, концепция ответственного развития является ценностной основой, платформой формирования экономического благополучия муниципального образования. Определим принцип отбора показателей, которые позволят в перспективе оценить экономическое благополучие муниципалитета и соответствуют этике ответственности.

В чем проявляется принцип ответственности в деятельности муниципального образования? Экономгеографы В.М. Котляков и А.А. Тишков подчеркивают: «В географии сложилась определённая этика ответственности перед обществом за качество и точность прогноза, за сохранение географического разнообразия мира, за внедрение нравственных принципов в поиск путей рациональной территориальной организации населения, хозяйства и природопользования» [23, с. 963]. С учетом ранее полученных теоретических выводов можно выделить следующие типы ответственности муниципального образования: 1) ответственность в отношении разных видов субъектов (перед жителями и бизнесом (организациями) на территории муниципального образования; другими муниципальными образованиями, функционирующими в пространстве региона; органами государственного и регионального управления); 2) ответственность относительно предмета (за верное определение стратегических приоритетов, целей и задач, за сохранение населенности и природного потенциала территории, ее процветания в будущем, за нравственное взаимодействие с жителями, обеспечение безопас-

ного и продуктивного диалога по решению вопросов местного значения); 3) ответственность по критерию (юридическая, моральная, политическая, организационная, общественная); 4) ответственность по областям (в социальной, экономической, финансовой, градостроительной, информационной сфере).

Обзор зарубежных публикаций позволяет говорить о том, что в настоящее время наиболее острыми вопросами, нуждающимися в ответственности муниципальных образований, являются: совершенствование физической доступности необходимых услуг для жителей в рамках разработки индекса близости (proximity index) [35]; управление твердыми бытовыми отходами в муниципалитете [36–39]; модели финансирования водоочистных сооружений [40]; оценка обеспеченности пресной водой в условиях климатических изменений [41]; укрепление связей внутри местного сообщества и повышение качества социального капитала [42]; налаживание коммуникаций между местными сообществами и органами власти при противодействии лесным пожарам [43]; дефицит жилого фонда [44]; возможности муниципальных предприятий в сфере ЖКХ по реализации концепции УР [45]; распределение финансирования социальной помощи пожилым людям [46]. Следует отметить, что значительное количество публикаций посвящено обращению с твердыми бытовыми отходами, а также созданию водоочистных сооружений, в том числе в связи с отрицательным влиянием на здоровье населения. Также в приведенных исследованиях часто рассматривается аспект разделения ответственности (и финансирования) между разными уровнями власти.

Отметим, что пределы ответственности муниципальных образований за свое развитие ограничены законодательно. Основными документами в этой области можно считать Конституцию РФ (глава 8), которая дает представление о роли местного самоуправления, и Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», оговаривающий вопросы местного значения.

Ранее, исходя из ключевых атрибутов экономической деятельности, было выделено три стержневых направления формирования экономического благополучия муниципального образования: настройка и регулирование воспроизводственного процесса на муниципальном уровне; удовлетворение базовых потребностей муниципальной экономики; сохранение природных ресурсов, необходимых для функционирования муниципального образования [47]. Эти направления являются рамочной основой для отбора показателей в данном исследовании, поскольку позволяют оценивать именно экономическое благополучие муниципального образования. Второй последовательный критерий – потенциал показателя в части отражения применения принципа ответственности в следовании ценностям УР.

В отношении материалов исследования отметим, что в настоящее время сведения о развитии муниципальных образований представлены различными источниками: базами данных и публикациями Росстата, ведомственной статистикой федеральных и региональных органов власти, информацией органов местного самоуправления, результатами научных изысканий и опросов населения, проводимых различными организациями [48, 49]. В рамках настоящей статьи остановимся, прежде всего, на показателях, содержащихся в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата, поскольку в ней представлена унифицированная информация вне зависимости от региональной и муниципальной специфики. Отметим, что использование ведомственных данных региональных и местных органов власти сопряжено с определенными сложностями и связано со спецификой конкретной территории (муниципальное устройство, система органов власти и управления, распределение полномочий между ними и пр.).

Сложности поиска показателей, отражающих экономическое благополучие на муниципальном уровне, связаны с ограниченностью и тенденцией к сокращению показателей муниципальной статистики, а также разнородностью видов муниципальных образований. В данном исследовании авторы ориентировались на муниципальные образования верхнего уровня:

городские округа, муниципальные районы и округа. Изучение муниципальной и ведомственной статистики позволило сформировать три блока показателей.

Первый представлен показателями, связанными с настройкой и регулированием *воспроизводственного процесса на территории*. Традиционно в рамках статистики сущность последнего раскрывается с использованием ряда счетов СНС (например, счет производства, счет образования доходов, счет распределения первичных доходов и др.). Однако на муниципальном уровне подобные разработки сегодня отсутствуют. Вместе с тем анализ показателей муниципальной статистики позволяет выделить среди них те, которые характеризуют воспроизводственный процесс на территории и связаны с результатами деятельности ключевых сфер муниципальной экономики (сельское хозяйство, промышленность, строительство, торговля и общественное питание), доходами населения и качеством человеческого капитала. Учитывая принцип ответственности и ценности УР, для оценки экономического благополучия муниципального образования по данному направлению предлагаем использовать следующие индикаторы:

1) соотношение инвестиций в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования и суммы начисленного учетного износа основных фондов (амортизация и износ основных фондов, отражаемые в бухгалтерском учете и отчетности) по коммерческим и некоммерческим организациям муниципальной формы собственности. Этот индикатор, рассчитанный по данным Росстата, позволяет оценить замещение выбывающих основных фондов в муниципальных организациях;

2) коэффициент специализации территории, сформированный по данным о численности занятых в отдельных видах экономической деятельности. Данный показатель позволяет оценить степень диверсификации экономики территории. В случае наличия нескольких отраслей специализации экономика муниципального образования признается диверсифицированной;

3) валовый сбор продукции сельского хозяйства, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, ввод жилья, оборот розничной торговли, оборот общественного питания, объем платных услуг населению характеризуют основные результаты работы ключевых сфер экономики на территории муниципального образования;

4) рабочая сила<sup>1</sup> и уровень зарегистрированной безработицы, позволяющие оценить объем трудовых ресурсов на территории;

5) численность пострадавших с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом в расчете на 1000 работающих. Показатель используется для характеристики уровня травматизма на производстве, что особенно актуально в условиях роста объемов промышленного производства;

6) доля населения с высшим образованием и доля населения, систематически занимающихся физической культурой и спортом. Показатели используются для характеристики человеческого капитала;

7) среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), сумма начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг. Указанные показатели позволяют косвенно оценить доходы населения муниципального образования<sup>2</sup>.

В рамках характеристики направления экономического благополучия муниципального образования «удовлетворение базовых потребностей муниципальной экономики» считаем

<sup>1</sup> Показатель по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г.

<sup>2</sup> В соответствии с Федеральным планом статистических работ разработка показателей денежных доходов населения на муниципальном уровне не предусмотрена.

целесообразным сделать акцент на показателях, отражающих развитие инфраструктуры на территории, а также участие населения в развитии муниципального образования. В перспективе этот блок можно дополнить качественными показателями, однако в данной работе ограничимся показателями, которые предлагает система государственной статистики:

1) доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения;

2) доля домохозяйств, проживающих в жилых помещениях, оборудованных всеми базовыми видами благоустройства<sup>3</sup>;

3) доля негазифицированных населенных пунктов в общем количестве населенных пунктов.

Кроме того, по данным ведомственной статистики могут быть рассчитаны следующие индикаторы, отражающие применение принципа ответственности:

1) число зарегистрированных некоммерческих организаций в расчете на 10 тыс. населения. Показатель рассчитывается по данным Министерства юстиции Российской Федерации о числе зарегистрированных некоммерческих организаций и сведениям Росстата о численности населения на территории муниципального образования и косвенно характеризует степень гражданской активности населения;

2) количество проектов инициативного бюджетирования, получивших региональную поддержку. Показатель формируется на основании сведений региональных и/или местных органов власти и характеризует вовлеченность населения в решение вопросов местного значения.

Принимая во внимание, что ответственность муниципального образования по решению вопросов местного значения, формирующих его экономическое благополучие, связана с его финансовой свободой, считаем необходимым в этом блоке также предусмотреть показатели, связанные с параметрами местных бюджетов:

1) бюджетная обеспеченность муниципального образования;

2) доля поступлений от местных налогов и сборов в общем объеме налоговых поступлений местного бюджета, которая характеризует работу местных органов власти по наращиванию собственной налоговой базы;

3) объем доходов от использования муниципального имущества, показывающий уровень эффективности органов МСУ по управлению муниципальной собственностью.

Третий блок показателей связан с *сохранением природных ресурсов, необходимых для функционирования муниципального образования*. Как правило, в рамках данного направления рассматриваются показатели, связанные с состоянием атмосферного воздуха, воды, почвы и лесов. Однако не все эти индикаторы формируются в разрезе муниципальных образований. В настоящее время официальная статистика содержит следующие сведения:

1) текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения, в том числе по отдельным направлениям (на охрану атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата, на сбор и очистку сточных вод, на обращение с отходами). Указанные сведения могут быть использованы для расчета доли расходов по отдельным направлениям в общем объеме расходов на охрану окружающей среды;

2) доля твердых коммунальных отходов, вывезенных на объекты, используемые для обработки отходов.

Ограниченность данных муниципальной статистики приводит к тому, что для более полной характеристики данного направления экономического благополучия территории необходимо использование данных ведомственной статистики. Последнее, в свою очередь, опреде-

<sup>3</sup> Показатель по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г.

ляется особенностями организации соответствующей работы в регионе и/или муниципалитете. Например, в Свердловской области автоматические станции контроля за загрязнением атмосферного воздуха установлены в 13 муниципальных образованиях (из 94 имеющихся) [50]. Как следствие, информация о состоянии атмосферы и выбросов доступна только в отношении этих 13 территорий.

### Заключение

Предложенный перечень показателей сформирован на базе сведений официальной статистики и позволяет оценить реализацию на территории муниципального образования концепции ответственного развития и достижение целей УР. Подчеркнем, что при оценке будет иметь значение способ использования показателя, например расчет относительных показателей по сравнению со средним по региону или его центром.

Среди ограничений проведенного исследования стоит отметить тот факт, что предлагаемый перечень не содержит геоданные и большие данные (big data). Несмотря на то, что формируемые на их базе показатели в настоящее время активно используются в различных научных работах, эти данные до сих пор не включены в перечень официальной статистической информации и, как следствие, ограниченно применимы в практике государственного и муниципального управления. Одно из направлений развития настоящего исследования связано с совершенствованием предложенного перечня показателей за счет включения в него показателей, сформированных на базе геоданных и big data.

Также авторы целенаправленно отказались от использования различных субъективных показателей, связанных с опросом респондентов. Причина заключается в сложности проведения подобных исследований на муниципальном уровне, связанной с формированием репрезентативной выборки, а также с существенными материальными затратами на их организацию. В качестве одного из возможных направлений развития данной темы стоит считать разработку подхода к проведению опросов населения и/или групп граждан с использованием современных средств коммуникации, применяемых в системе государственного и муниципального управления (Единого портала государственных и муниципальных услуг, официальных страниц органов власти в социальных сетях и др.), по важнейшим направлениям экономического благополучия муниципального образования.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: АСТ, 2023. – 228 с.
2. Цели устойчивого развития // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 14.06.2024).
3. Лейбин В. М. Ауриелио Печчеи: штрихи к портрету // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 154–158.
4. Белоусова Е.А. Экономическое благополучие: семантическое окружение и контексты исследования на уровне муниципального образования // Journal of New Economy. – 2022. – Т. 23. – № 4. – С. 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3. EDN: JTTVZH.
5. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселения. – М.: АСТ, 2023. – 256 с.
6. The Club of Rome. History. URL: <https://www.clubofrome.org/history/> (дата обращения 14.06.2024).
7. The limits to growth / D.H. Meadows, D.L. Meadows, J. Randers, W. Behrens III. – New York: Universe Books, 1972. – 211 p.
8. Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, 5–16 июня 1972 года, Стокгольм, Швеция. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972> (дата обращения 14.06.2024).
9. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета. – М.: Прогресс, 1989. – 371 с.
10. Юргенс И., Ромов Р. Комиссия Брунтланн и концепция устойчивого развития в истории СССР/России 1980-х–1990-х гг. URL: <https://mgimo.ru/upload/2023/11/komissiya-bruntlann-i-koncepciya-ustoi-chivogo-gazvitiya-v-istorii-sssr-rossii-1980-90.pdf> (дата обращения 14.06.2024).
11. Саммит ООН по устойчивому развитию, 25–27 сентября 2015 г., Нью-Йорк // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/newyork2015> (дата обращения 14.06.2024).

12. Caldwell L.K. Sustainable development: Viable concept and attainable goal? // *Environmental Conservation*. – 1994. – Vol. 21. – № 3. – P. 193–195.
13. Завидовская Т.С. Экологический кризис как кризис ментальности и пути выхода из него // Альхимович И.Н., Амирова Н.Р., Бурденко Е.В., Вакурова О.А., Волкова К.С., Гостиева Н.К. и др. *Зеленая экономика в парадигме устойчивого развития: монография*. – М.: ИНФРА-М, 2023. – С. 130–166. DOI: 10.12737/1898399. EDN: EVOVCN.
14. Ускова Т.В. *Управление устойчивым развитием региона: монография*. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
15. Третьякова Е.А. Россия и Беларусь: динамический взгляд на устойчивое развитие // *Вестник ПГУ. Серия «Экономика»*. – 2014. – № 3. – С. 29–41.
16. Снакин В.В. Устойчивое развитие // *Жизнь Земли: Междисциплинарный научно-практический журнал*. – 2018. – Т. 40. – № 1. – С. 101–110.
17. Мочалова Л.А. Циркулярная экономика в контексте реализации концепции устойчивого развития // *Journal of New Economy*. – 2020. – Т. 21. – № 4. – С. 5–27. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-4-1.
18. Квон Г.М. Социальные и экологические аспекты преобразующих инвестиций в парадигме устойчивого развития // Альхимович И.Н., Амирова Н.Р., Бурденко Е.В., Вакурова О.А., Волкова К.С., Гостиева Н.К. и др. *Зеленая экономика в парадигме устойчивого развития: монография*. – М.: ИНФРА-М, 2023. – С. 113–129. DOI: 10.12737/1898399. EDN: EVOVCN.
19. Романова О.А., Матвеева Я.А. Конкурентные преимущества промышленных предприятий в контексте социальной ответственности и импакт-инвестирования // *Журнал экономической теории*. – 2017. – № 2. – С. 96–110.
20. What is GOAL 12 responsible consumption and production? URL: [https://www.un.org/sustainabledevelopment/wp-content/uploads/2023/09/Goal-12\\_Fast-Facts.pdf](https://www.un.org/sustainabledevelopment/wp-content/uploads/2023/09/Goal-12_Fast-Facts.pdf) (дата обращения 14.06.2024).
21. “Who Cares Wins”: transforming finance and economics through ESG. URL: <https://www.sustainabilityinbusiness.org/blogs/who-cares-wins-the-report-that-started-esg> (дата обращения 14.06.2024).
22. Рэнкинг устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов Российской Федерации. Отчет об исследовании. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=91675&p=attachment> (дата обращения 14.06.2024).
23. Котляков В.М., Тишков А.А. Стратегия устойчивого развития: этика географического подхода // *Вестник Российской академии наук*. – 2009. – Т. 79. – № 11. – С. 963–970.
24. Мантатов В.В. Мантатова Л.В. Ноосфера, экологическая этика и устойчивое развитие мира // *Философские науки*. – 2017. – № 7. – С. 126–138.
25. Гасратян К.М. *Этика и экономическое развитие*. – Москва: Спутник+, 2018. – 88 с.
26. Костин П.А. Философия ответственности в освоении целостности социального бытия // *Logos et Praxis*. – 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 43–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.5>.
27. The ethics of responsibility: a comprehensive overview understanding the principles of ethics of responsibility. June 6, 2023. URL: <https://philodive.com/blog/the-ethics-of-responsibility--a-comprehensive-overview> (дата обращения 14.06.2024).
28. Вебер А. Устойчивому развитию нет разумной альтернативы // *Свободная мысль*. – 2016. – № 1. – С. 59–74.
29. Croitor E. Ethics of responsibility? Some postmodern views // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 149. – P. 253–260. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.226>.
30. Йонас Г. *Принцип ответственности*. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.
31. Канке В. А. *Этика ответственности*. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 291 с. DOI: 10.12737/929945.
32. Беляева Е.В. Динамика систем нравственности: специфические и общие закономерности: автореф. дис. ... докт. филос. наук. – Минск, 2020. – 58 с.
33. Беляева Е.В. «Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой долга» и «этикой блага» // *Ведомости прикладной этики*. – 2022. – Вып. 59. – С. 73–92.
34. Коломак А.И. *Свобода и ответственность в современном мире: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. – Ставрополь, 2006. – 22 с.
35. Are Italian cities already 15-minute? Presenting the Next Proximity Index: a novel and scalable way to measure it, based on open data / B. Olivari, P. Cipriano, M. Napolitano, L. Giovannini // *Journal of Urban Mobility*. – 2023. – Vol. 4. – 100057. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.urbmob.2023.100057>.
36. What establishes citizens’ household intention and behavior regarding municipal solid waste separation? A case study in Jiangsu province / J. Wang, E. Nketiah, X. Cai, B. Obuobi, G. Adu-Gyamfi, M. Adjei // *Journal of Cleaner Production*. – 2023. – Vol. 423. – 138642. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.138642>.
37. Municipal solid waste: Opportunities, challenges and management policies in India: a review / M.D. Meena, M.L. Dotaniya, B.L. Meena, P.K. Rai, R.S. Antil, H.S. Meena, L.K. Meena, C.K. Dotaniya, V.S. Meena, Gh. Avijit, K.N. Meena, A.K. Singh, V.D. Meena, P.C. Moharana, S.K. Meena, Ch. Srinivasarao, A.L. Meena, Ch. Sumanta, D.K. Meena, M. Prajapat, R.B. Meena // *Waste Management Bulletin*. – 2023. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wmb.2023.04.001>.

38. Sandhi A., Rosenlund J. Municipal solid waste management in Scandinavia and key factors for improved waste segregation: a review // *Cleaner Waste Systems*. – 2024. – Vol. 8. – 100144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clwas.2024.100144>.
39. Strategic approach towards sustainability by promoting circular economy-based municipal solid waste management system – a review / S. Sondh, D.S. Upadhyay, S. Patel, R.N. Patel // *Sustainable Chemistry and Pharmacy*. – 2024. – Vol. 37. – 101337. DOI : <https://doi.org/10.1016/j.scp.2023.101337>.
40. Cádiz-Cota A., Rentería C. Why are municipal wastewater treatment plants abandoned in Mexico? When a more money policy approach is not enough // *Water Resources and Economics*. – 2023. – Vol. 43. – 100226. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wre.2023.100226>.
41. Assessment of water resource vulnerability under changing climatic conditions in remote Arctic communities / A.S. Medeiros, M. Bakaic, P. Cincio, S.D. Wesche, E. Crighton // *Climate Services*. – 2023. – Vol. 30. – 100378. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cliser.2023.100378>.
42. Aghazadeh S.A. Exploring leisure and municipal government public relations for community: A case example of parks and recreation // *Public Relations Review*. – 2024. – Vol. 50. – Iss. 1. – 102410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2023.102410>.
43. Shared responsibility and community engagement: community narratives of bushfire risk information in Victoria, Australia / V. Cooper, P. Fairbrother, G. Elliott, M. Walker, H.-Y. Ch'ng // *Journal of Rural Studies*. – 2020. – Vol. 80. – P. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.09.015>.
44. Abulatif L.I., Oliveira C.C. Municipal institutional capacity for the implementation of housing public policies, in the context of Metropolitan Regions in Brazil // *Cities*. – 2024. – Vol. 148. – 104869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.104869>.
45. Bauer Ph., Traxler A.A., Greiling D. Management control by municipal utilities for value creation to achieve the sustainable development goals // *Utilities Policy*. – 2023. – Vol. 84. – 101641. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jup.2023.101641>.
46. Passing on the hot potato. Dutch municipalities under financial pressure have incentives to shift the costs of social care for older people to the central government / F. Portrait, Y. Krabbe-Alkemade, T. Budding, M. Canoy // *Health Policy*. – 2023. – Vol. 137. – 104914. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2023.104914>.
47. Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. Концепт экономического благополучия и возможности его проекции на муниципальный уровень // *Проблемы развития территории*. – 2023. – Т. 27. – № 6. – С. 213–233. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13.
48. Ворошилов Н.В. Особенности и проблемы формирования и использования статистической информации по муниципальным образованиям России // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. – 2022. – № 6. – С. 89–105. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-6-89-105.
49. Ворошилов Н.В. Концептуальный подход к формированию мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований регионов России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 118–140. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.6.
50. Государственный доклад о состоянии окружающей среды на территории Свердловской области в 2022 году. URL: [https://mprso.midural.ru/upload/uf/7bb/x9dfluqjnbxonmmo6mjukr515ta4ah7b/Gosudarstvennyy\\_doklad\\_2022-\\_1\\_.pdf](https://mprso.midural.ru/upload/uf/7bb/x9dfluqjnbxonmmo6mjukr515ta4ah7b/Gosudarstvennyy_doklad_2022-_1_.pdf) (дата обращения 14.06.2024).

### Информация об авторах

**Елена Борисовна Дворядкина**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; [dvoryadkina@usue.ru](mailto:dvoryadkina@usue.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5163-0334>

**Елизавета Александровна Белоусова**, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; [belousova-unir@usue.ru](mailto:belousova-unir@usue.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5355-5243>

**Екатерина Игоревна Кайбичева**, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; [catherine.kai@mail.ru](mailto:catherine.kai@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0194-2185>

Поступила в редакцию: 20.07.2024

Поступила после рецензирования: 25.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

## REFERENCES

1. Hayek F. *The fatal conceit*. Moscow, AST Publ. House, 2023. 228 p. (In Russ.)
2. Sustainable Development Goals. *UN*. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 14 June 2024).
3. Leibin V.M. Aurelio Peccei: strokes to a portrait. *Vek globalizatsii*, 2008, no. 1, pp. 154–158. (In Russ.)
4. Belousova E.A. Economic well-being: semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of New Economy*, 2022, vol. 23, no. 4, pp. 46–68. (In Russ.) DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3. EDN: JTTVZH.
5. Malthus T.R. *Experience of the law on population*. Moscow, AST Publ., 2023. 256 p. (In Russ.)
6. *The Club of Rome. History*. Available at: <https://www.clubofrome.org/history/> (accessed 14 June 2024).
7. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. III. *The limits to growth*. New York, Universe Books, 1972. 211 p.
8. *United Nations Conference on the Human Environment*. Stockholm, Sweden, 5–16 June 1972. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972> (accessed 14 June 2024).
9. Our Common Future. *World Commission on Environment and Development*. Oxford University Press, 1987. 416 p.
10. Jurgens I., Romov R. *The Bruntland Commission and the Concept of Sustainable Development in the History of the USSR/Russia in the 1980–1990s*. (In Russ.) Available at: <https://mgimo.ru/upload/2023/11/komissiya-bruntland-i-koncepciya-ustoi-chivogo-razvitiya-v-istorii-sssr-rossii-1980-90.pdf> (accessed 14 June 2024).
11. *UN Summit on Sustainable Development*. New York, 25–27 September 2015. *UN*. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/ru/conferences/environment/newyork2015> (accessed 14 June 2024).
12. Caldwell L.K. Sustainable development: viable concept and attainable goal? *Environmental Conservation*, 1994, vol. 21, no. 3, pp. 193–195.
13. Zavidovskaya T.S. Environmental crisis as a crisis of mentality and ways out of it. Alkhimovich I.N., Amirova N.R., Burdenko E.V., Vakurova O.A., Volkova K.S., Gostieva N.K. *Green economy in the paradigm of sustainable development: monograph*. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. pp. 130–166. (In Russ.) DOI: 10.12737/1898399. EDN: EVOVCN.
14. Uskova T.V. *Management of sustainable development of the region: monograph*. Vologda, ISEDT RAS Publ., 2009. 355 p. (In Russ.)
15. Tretyakova E.A. Russia and Belarus: a dynamic view of sustainable development. *Bulletin of PSU. Series "Economy"*, 2014, no. 3, pp. 29–41. (In Russ.)
16. Snakin V.V. Sustainable development. *The life of the earth*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 101–110. (In Russ.)
17. Mochalova L.A. Circular economy in the context of implementing the concept of sustainable development. *Journal of New Economy*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 5–27. (In Russ.) DOI: 10.29141/26585081-2020-21-4-1.
18. Kwon G.M. Social and environmental aspects of transformative investments in the paradigm of sustainable development. Alkhimovich I.N., Amirova N.R., Burdenko E.V., Vakurova O.A., Volkova K.S., Gostieva N.K. *Green economy in the paradigm of sustainable development: monograph*. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. pp. 113–129. (In Russ.) DOI: 10.12737/1898399. EDN: EVOVCN.
19. Romanova O.A., Matveeva Ya.A. Competitive advantages of industrial enterprises in the context of social responsibility and impact investing. *Journal of Economic Theory*, 2017, no. 2, pp. 96–110. (In Russ.)
20. *What is GOAL 12 responsible consumption and production?* Available at: [https://www.un.org/sustainabledevelopment/wp-content/uploads/2023/09/Goal-12\\_Fast-Facts.pdf](https://www.un.org/sustainabledevelopment/wp-content/uploads/2023/09/Goal-12_Fast-Facts.pdf) (accessed 14 June 2024).
21. *"Who Cares Wins": transforming finance and economics through ESG*. Available at: <https://www.sustainabilityinbusiness.org/blogs/who-cares-wins-the-report-that-started-esg> (accessed 14 June 2024).
22. *Ranking of sustainable development and integration of ESG criteria into the activities of constituent entities of the Russian Federation. Research report*. (In Russ.) Available at: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=91675&p=attachment> (accessed 14 June 2024).
23. Kotlyakov V.M., Tishkov A.A. A strategy of sustainable development: the ethics of the geographical approach. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2009, vol. 79, no. 6, pp. 501–508.
24. Mantatov V.V., Mantatova L.V. Noosphere, environmental ethics and sustainable development of the world. *Russian Journal of Philosophical Sciences=Filosofskie nauki*, 2017, no. 7, pp. 126–138. (In Russ.)
25. Gasratyan K.M. *Ethics and economic development*. Moscow, Sputnik+ Publ., 2018. 88 p. (In Russ.)
26. Kostin P.A. Philosophy of responsibility in mastering the integrity of social life. *Logos et Praxis*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.5>.
27. *The ethics of responsibility: a comprehensive overview understanding the principles of ethics of responsibility*. June 6, 2023. Available at: <https://philodive.com/blog/the-ethics-of-responsibility--a-comprehensive-overview> (accessed 14.06.2024)
28. Weber A. There is no reasonable alternative to sustainable development. *Free Thought*, 2016, no. 1, pp. 59–74. (In Russ.)

29. Croitor E. Ethics of responsibility? Some postmodern views. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 149, pp. 253–260. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.226>.
30. Jonas G. *The principle of responsibility*. Moscow, Iris-Press Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
31. Kanke V.A. *Ethics of responsibility*. Moscow, INFRA-M Publ., 2022. 291 p. (In Russ.) DOI: 10.12737/929945.
32. Belyaeva E.V. *Dynamics of moral systems: specific and general patterns*. Dr. Diss. Abstract. Minsk, 2020. 58 p. (In Russ.)
33. Belyaeva E.V. “Ethics of responsibility” as a type of moral theory in comparison with “ethics of duty” and “ethics of good”. *Statements of Applied Ethics*, 2022, Iss. 59, pp. 73–92. (In Russ.)
34. Kolomak A.I. *Freedom and responsibility in the modern world*. Kand. Diss. Stavropol, 2006. 22 p. (In Russ.)
35. Olivari B., Cipriano P., Napolitano M., Giovannini L. Are Italian cities already 15-minute? Presenting the Next Proximity Index: a novel and scalable way to measure it, based on open data. *Journal of Urban Mobility*, 2023, vol. 4, 100057. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.urbmob.2023.100057>.
36. Wang J., Nketiah E., Cai X., Obuobi B., Adu-Gyamfi G., Adjei M. What establishes citizens’ household intention and behavior regarding municipal solid waste separation? A case study in Jiangsu province. *Journal of Cleaner Production*. 2023, vol. 423, 138642. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.138642>.
37. Meena M.D., Dotaniya M.L., Meena B.L., Rai P.K., Antil R.S., Meena H.S., Meena L.K., Dotaniya C.K., Meena V.S., Avijit Gh., Meena K.N., Singh A.K., Meena V.D., Moharana P.C., Meena S.K., Srinivasarao Ch., Meena A.L., Sumanta Ch., Meena D.K., Prajapat M., Meena R.B. Municipal solid waste: opportunities, challenges and management policies in India: a review. *Waste Management Bulletin*, 2023, vol. 1, Iss. 1, pp. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wmb.2023.04.001>.
38. Sandhi A. Rosenlund J. Municipal solid waste management in Scandinavia and key factors for improved waste segregation: a review. *Cleaner Waste Systems*, 2024, vol. 8, 100144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clwas.2024.100144>.
39. Sondh S., Upadhyay D.S., Patel S., Patel R.N. Strategic approach towards sustainability by promoting circular economy-based municipal solid waste management system – a review. *Sustainable Chemistry and Pharmacy*, 2024, vol. 37, 101337. DOI : <https://doi.org/10.1016/j.scp.2023.101337>.
40. Cádiz-Cota A., Rentería C. Why are municipal wastewater treatment plants abandoned in Mexico? When a more money policy approach is not enough. *Water Resources and Economics*, 2023, vol. 43, 100226. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wre.2023.100226>.
41. Medeiros A.S., Bakaic M., Cincio P., Wesche S. D., Crighton E. Assessment of water resource vulnerability under changing climatic conditions in remote Arctic communities. *Climate Services*, 2023, vol. 30, 100378. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cliser.2023.100378>.
42. Aghazadeh S.A. Exploring leisure and municipal government public relations for community: A case example of parks and recreation. *Public Relations Review*, 2024, vol. 50, Iss. 1, 102410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2023.102410>.
43. Cooper V., Fairbrother P., Elliott G., Walker M., Ch'ng H.-Y. Shared responsibility and community engagement: Community narratives of bushfire risk information in Victoria, Australia. *Journal of Rural Studies*, 2020, vol. 80, pp. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.09.015>.
44. Abulatif L.I., Oliveira C.C. Municipal institutional capacity for the implementation of housing public policies, in the context of Metropolitan Regions in Brazil. *Cities*, 2024, vol. 148, 104869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.104869>.
45. Bauer Ph., Traxler A.A., Greiling D. Management control by municipal utilities for value creation to achieve the sustainable development goals. *Utilities Policy*, 2023, vol. 84, 101641. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jup.2023.101641>.
46. Portrait F., Krabbe-Alkemade Y., Budding T., Canoy M. Passing on the hot potato. Dutch municipalities under financial pressure have incentives to shift the costs of social care for older people to the central government. *Health Policy*, 2023, vol. 137, 104914. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2023.104914>.
47. Dvoryadkina E.B., Belousova E.A. Economic well-being concept and possibilities of its projection to the municipal level. *Problems of Territory's Development*, 2023, vol. 27, no. 6, pp. 213–233. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.13.
48. Voroshilov N.V. Features and problems of formation and use of statistical information on municipalities of Russia. *ETAP: economic theory, analysis, practice*, 2022, no. 6, pp. 89–105. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6435-2022-6-89-105.
49. Voroshilov N.V. Conceptual approach to the formation of the monitoring of socio-economic development of municipal entities in Russia’s regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2023, vol. 16, no. 3, pp. 118–140. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.6.
50. *State report on the state of the environment in the Sverdlovsk region in 2022*. (In Russ.) Available at: [https://mprso.midural.ru/upload/uf/7bb/x9dfuqjnbxnm6mjukr515ta4ah7b/Gosudarstvennyy\\_doklad\\_2022-\\_1\\_.pdf](https://mprso.midural.ru/upload/uf/7bb/x9dfuqjnbxnm6mjukr515ta4ah7b/Gosudarstvennyy_doklad_2022-_1_.pdf) (accessed 14 June 2024).

### Information about the authors

**Elena B. Dvoryadkina**, Dr. Sc., Professor, Ural State University of Economics, 62, 8 Marta street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; [dvoryadkina@usue.ru](mailto:dvoryadkina@usue.ru); <https://orcid.org/0000-0001-5163-0334>

**Elizaveta A. Belousova**, Cand. Sc., Associate Professor, Ural State University of Economics, 62, 8 Marta street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; [belousova-unir@usue.ru](mailto:belousova-unir@usue.ru); <https://orcid.org/0000-0001-5355-5243>

**Catherine I. Kaibicheva**, Cand. Sc., Associate Professor, Ural State University of Economics, 62, 8 Marta street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; [catherine.kai@mail.ru](mailto:catherine.kai@mail.ru); <https://orcid.org/0000-0002-0194-2185>

Received: 20.07.2024

Revised: 25.09.2024

Accepted: 30.09.2024